

Мартьянов Денис Сергеевич, Невзоров Максим Вадимович

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
КАК ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ. ЧАСТЬ I**

В статье рассматриваются методологические проблемы концептуализации политических партий в контексте трансформации российской партийной системы. Выявляются критерии, по которым политическая партия может быть идентифицирована в рамках категории "действия" как актор. Определены современные тенденции в исследовании политических партий. Отмечены "болевые точки" концептуализации политических партий. Выделены системные характеристики построения базы данных "Политические партии России в действии".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/32.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 144-148. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**RELATIONS OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND THE USA
IN NETWORK SPACE IN THE CONTEXT OF SECURING CYBER-SAFETY**

Markova Aleksandra Veniaminovna
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
aleksandra.markova@inbox.ru

The article identifies the basic similarities and differences in the views of the political leadership of the USA and the People's Republic of China in the sphere of cyber-safety. According to the author, investigating the policy of the USA and the People's Republic of China in this sphere, their experience of cooperation and conflicts is of special importance under the conditions of new challenges and international problems including the escalation of international terrorism. The Russian authorities pay more attention to information sphere, namely, cyber-safety, which testifies for the increased role of cyberspace in modern world politics.

Key words and phrases: The People's Republic of China; The USA; Russia; information safety; cyber-safety; cyberspace; Internet; cyber-dangers.

УДК 329

Политология

В статье рассматриваются методологические проблемы концептуализации политических партий в контексте трансформации российской партийной системы. Выявляются критерии, по которым политическая партия может быть идентифицирована в рамках категории «действия» как актор. Определены современные тенденции в исследовании политических партий. Отмечены «болевые точки» концептуализации политических партий. Выделены системные характеристики построения базы данных «Политические партии России в действии».

Ключевые слова и фразы: политические партии; акторы; политические акторы; партийная система; партийная реформа; методология исследования; политический субъект; база данных; акторно-сетевая теория.

Мартьянов Денис Сергеевич, к. полит. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
dsmartyanov@mail.ru

Невзоров Максим Вадимович
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
max.nevzorov@gmail.com

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ КАК ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ. ЧАСТЬ I[©]**

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 14-03-12012.

С апреля 2012 года были изменены правила создания политических партий в России, что привело к быстрому росту их числа. За два с половиной года в списке зарегистрированных партий Министерством Юстиции России побывало 88 политических партий, среди которых и двенадцать партий, в отношении которых внесена запись в ЕГРЮЛ о прекращении деятельности. Для исследования особенностей развития партийной системы в России на современном этапе развития был инициирован проект «Партии России в действии» по созданию базы данных, в которой собиралась бы количественная и качественная информация, описывающая партии. В целях повышения методологической целостности проекта мы задались двумя вопросами: «насколько политические партии в России являются партиями в полном смысле этого слова?» и «какова роль новых политических партий в российском политическом процессе?».

Как по проблеме изменения российской партийной системы в целом, так и по феномену новых партий в частности, на настоящий момент вышло не так много работ. Однако уже имеющиеся наработки указывают на три тенденции:

- во-первых, будет продолжено традиционное для отечественной политологии направление по изучению развития количественных аспектов партийной системы в рамках компаративистики. Так, в 2008 году Л. В. Сморгунев обратил внимание на необходимость рассмотрения феномена новых партий в контексте процесса электоральной подвижности [12];
- во-вторых, налицо скепсис в отношении складывающейся партийной системы. Подчеркивается роль рациональных акторов (не всегда политических) в создании партии, в том смысле, что последняя становится лишь «политическим проектом». Не только в публицистических, но и научных работах появляются новые дефиниции, которые отражают эту скрытую тенденцию: партии-спойлеры, франшизы, виртуальные и т.п. [8].

Но в то же время эти понятия пока недостаточно четко концептуализированы (что, в свою очередь, ведет к проблеме их операционализации), а партии, получившие тот или иной «титул», не рассматриваются последовательно в широкой социальной и политической сети;

- в-третьих, политические партии (взятые в качестве «политических проектов») начинают рассматриваться с точки зрения их маркетингового содержания. Рост числа партий привел к проблеме поиска собственной ниши для каждой из них. И если предположить, что все новые партии создаются политическими консультантами, то все равно остается малоизученной «проекция того, как именно политтехнологи видят структуру спроса» [3]. Например, на это ориентирует исследователей доклад О. В. Поповой «Перспективы малых партий в современной России» [10], в котором содержится интересный взгляд на исследование партийной системы с точки зрения теории маркетинга (бренд, конкурентная стратегия, ниша), в частности, уделяется внимание роли названия и программы партии в конкурентной борьбе.

Отметим, что здесь для нас важен тот факт, что политический консультант никогда не возьмется придумывать идеологию «из головы». Этот факт открывает возможности для организации исследований, направленных на изучение представлений политического поля теми, кто составляет политический спрос, – т.е. у рядовых избирателей. Однако вместо рыночной терминологии, основанной на терминах спроса и предложения, мы бы хотели предложить дискурсивное видение проблемы, ориентированное на политический язык и способ его функционирования в реальности.

Поскольку партия может быть рассмотрена в качестве политического субъекта, основная цель которого завоевание политической власти, концептуальная составляющая проекта может быть осуществлена через политическое действие. В этом случае ключевой дефиницией при рассмотрении партии является «политический актор». В результате исследование предполагает изучение двух сложно переплетенных сфер: дискурсивной сферы и сферы действия политических партий.

Однако рассмотрение политических партий как политических акторов возвращает нас к важной политологической проблеме, связанной с аморфностью концептуализации партий как политического феномена. Сегодня существуют различные подходы к фиксации того или иного случая как «партии», и одновременно сам феномен существует в процессе постоянной эволюции, не позволяющей четко определить его «раз и навсегда». Эта проблема наслаивается на специфику функционирования в современном обществе социальных институтов как таковых: «...все социальные институты неустойчивы, находятся в постоянной... неопределенности» [9, с. 105]. Именно это противоречие между тем, как феномен воспринимается, и чем он является на самом деле, разрешается посредством категории «актор».

В общих чертах возникновение понятия «актор» связано с деконструкцией понятия «субъект» («смертью субъекта») и с ревизией субъект-объектной оппозиции, которая была предпринята М. Фуко и Р. Бартом. Первоначально в теории социального действия актором считался участник социального взаимодействия (индивид), затем актора стали определять через позицию в социальной структуре в соответствии с определенными атрибутами и ролями [2].

Различая субъекта и актора, А. Турен подчеркивал, что «быть субъектом означает хотеть стать актором, т.е. изменять свою среду, а не оставаться в полной зависимости от нее» [13, с. 31; 16]. Т. И. Заславская отмечает, что хотя понятия «субъект» и «актор» часто употребляются как синонимы, в последние годы наметилась тенденция их противопоставления. Понятие «актор» имеет смысл лишь в сцепке с конкретным социальным действием, в то время как «субъект» акцентирует, скорее, рациональность сознания и поведения. Т.е. в одних случаях может оказаться, что выраженными свойствами субъектности обладает лишь часть акторов, а в других – что акторами конкретных действий является только часть субъектов [5, с. 6].

Наиболее четко понятие актор было сформулировано в социологической теории и теории международных отношений, в которых при анализе акторов происходит попытка совместить две ранее изолированные области [14; 18]: стратегию, рационально действующих акторов и идентичность, выраженную в целях, представлениях о себе, противнике, прошлом, будущем и т.п. В частности, могут быть выделены следующие критерии: самоидентификация актора; наличие собственных интересов и способность их реализовать; степень влияния на политику; уровень автономности в принятии решений и признание со стороны других участников [11].

Одна из последних ревизий термина «актор» принадлежит французскому социологу науки Б. Латуру, который в контексте акторно-сетевой теории, среди прочего, расширяет сферу акторов до предметов материального мира (т.н. «нечеловеков»). Актор, по Б. Латуру, является уникальным событием, совершенно нередуцируемым ни к какому другому. Актор всегда «вносит различие», не может быть заменен другим актором, что радикально отличается от определений актора в структуралистских теориях, где актор необходим для выполнения тех или иных функций и является «местодержателем». Поскольку любая трансформация в структурализме на деле является лишь комбинированием, то сущность актора выявляется именно через действие, которое предполагает «создание различия» [7, с. 214-215]. Роль ученого в таком случае заключается в принятии логики актора и следовании за ней. В противном случае ученый будет делать те самые различия, благодаря которым ученый сам становится актором (например, в лице интеллектуала) и что, в конечном счете, в социальных науках может привести к перерождению ученого, как пример, в политического активиста.

Для реализации нашего проекта необходимо произвести свою концептуализацию политической партии в контексте современного развития политической системы России. Для этого мы использовали методологию акторно-сетевой теории Б. Латура, согласно которой необходимо определить актора, который в социальной реальности «создает различие», определяя тем самым, кто может считаться партией, а кто нет. Определено,

что партия в российских реалиях если и является актором, то ее поле возможностей определяется другими акторами, среди которых первым является государство (в нашем конкретном случае – Российская Федерация). Государство вводит критерии, которым актер должен соответствовать, чтобы считаться партией (или, что то же самое: государство *признает* в них партию), регламентируя правовое поле с помощью ФЗ «О политических партиях» от 11 июля 2001 года.

К таким критериям согласно упомянутому закону относятся:

- 1) наличие зарегистрированных региональных отделений не менее чем в половине субъектов РФ (ст. 3 п. 2а);
- 2) наличие 500 членов партии (ст. 3 п. 2б);
- 3) ограничение выражения дискурса в сфере экстремистской деятельности, идей социальной справедливости, узких профессиональных интересов (ст. 9);
- 4) не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности (ст. 9 п. 3);
- 5) отмечается необходимость партии иметь статус «участвующей в выборах», т.к. отсутствие электоральной активности в течение семи лет подряд согласно п. 2 ст. 37 приводит к ликвидации как самой партии, так и ее региональных отделений.

Другие критерии, касающиеся в основном отчетности партии перед органами государственной власти, носят формальный характер, поэтому в рамках нашего проекта не были операционализированы в качестве переменных, а значит, не учитывались в базе данных проекта.

Наличие перечисленных выше критериев контролируется Министерством Юстиции России. Информацию о соответствии этим критериям возможно получить из открытых источников информации, например, сети Интернет (согласно ст. 19 «Сведения о зарегистрированных политических партиях»). Данные с сайта *minjust.ru* формируют выборку акторов. Ими являются все партии, когда-либо перечисленные в списке, начиная с апреля 2012 года.

Однако политологический анализ не может удовлетворять формальный подход к определению того, что является партией (т.е. наличие регистрации в Министерстве юстиции). Закономерно, что здесь есть некоторое методологическое противоречие: является ли партия, подчиненная «прихоти» государства, в таком случае актором? Можно ли тогда вообще говорить об акторах во внутренней политике? Ведь даже в теории международных отношений в настоящее время наметились попытки пересмотреть устоявшееся представление о них. Так, О. В. Аксенова отмечает нивелирование значения актора (субъекта) М. Кастельсом и Дж. Урри, которые «предлагают концепцию глобальных потоков и сетей, в которых действующий субъект отсутствует, поскольку не может повлиять на поток информации, сырья, товаров и пр.» [1, с. 1].

Потоки, сети или структуры (в зависимости от используемого исследователем подхода) определенно ограничивают акторов. В упоминавшейся выше работе О. В. Аксенова разделяет понятия актер и агент по критерию принятия решений: решения принимаются актерами, а агент выступает как исполнитель, играющий предписанную роль или реализующий интересы какого-либо субъекта [Там же, с. 4]. Агентом является субъект, выполняющий заданную системой функцию. Его действия жестко определены. Как отмечает Аксенова, субъект социального действия может быть одновременно и актором, и агентом, и та или иная роль может преобладать или почти полностью вытесняться в различных социальных контекстах. В то же время Аксенова отмечает тенденцию превращения акторов в агентов в связи процессами функционализации актора [Там же, с. 4-7]. Но одновременно М. Крозье напоминает, что акторы, «несмотря на часто очень тяжелые принуждения со стороны системы, располагают внутри нее полнотой свободы»; «свобода актора выражается не только в нахождении самой оптимальной стратегии, но и во все более и более изощренных попытках уловить правила игры, найти возможности изменить их и по возможности даже полностью трансформировать саму игру» [13, с. 33; 15].

Принимая во внимание данное противоречие, логичен вопрос: есть ли в условиях российских реалий акторы, отличные от государства, но способные вводить самостоятельные критерии, позволяющие осуществить различение «партия / не партия»?

Задавая вопрос, мы тем самым спрашиваем о существовании акторов, которые бы предшествовали появлению партии и чьи политические интересы она должна отражать. Это соотносится с тем, что в политической науке есть сложности с разграничением политических партий со смежными категориями, такими как группа интересов или социальное движение.

Г. Джордан отмечает, что в системах с большим количеством партий мелкие партии без реальных шансов прийти к власти должны трактоваться именно как группы интересов, которые имеют мало общего с политическими партиями, располагающими правительственным потенциалом [4, с. 83]. Д. В. Лайпанова предлагает классифицировать такие партии как «“партии интересов”, соединяющие в себе черты больших партий и групп интересов» [6, с. 431-433].

Но партия не может быть до конца понята, если не учитывается также ее окружение, каковым может быть социальное движение – из него может вырасти партия, а затем в нем же находить поддержку. Разные по характеру акторы, как отмечает Ч. Тили, находятся в постоянной коммуникации друг с другом: «...непрекращающийся “разговор” среди акторов, между движениями и лидерами (challengers), между активистами и их аудиториями» [17, р. 5].

Результатом выше приведенного анализа являются следующие аспекты:

1. Произведена концептуализация политической партии как актора. Партия рассматривается в качестве актора, который получает *признание (определение)* со стороны других акторов: во-первых, со стороны

государства, во-вторых, со стороны других партий, социальных движений и групп интересов. Процесс определения состоит из двух неразрывно связанных частей: во-первых, происходит выдвигание критериев, которым должен соответствовать актор, чтобы считаться партией, а во-вторых, – действий, предпринимаемых актором по соответствию данным критериям.

2. Данная концептуализация позволяет устранить в рамках исследования такие «болевы точки» как аморфность самой категории, постмодернистская неустойчивость социальных институтов, перманентная трансформация феномена, проблема самостоятельности политической партии, формалистский (формально-юридический) подход к определению партии в рамках российской политической системы, и перейти от стадии концептуализации к операционализации. Процесс операционализации понятия «партия», таким образом, состоит из сбора информации о политическом дискурсе и действиях, которые предпринимают партии во взаимодействии друг с другом. С помощью данной информации мы сможем выстроить эмпирически наблюдаемые сети, не ограничивающиеся только феноменом партий.

3. Достигнута цель методологической части нашего исследования – выявлен подход, с помощью которого будет произведена операционализация деятельности политических партий в России, заключающийся в синтезе дискурс-аналитических, ивент-аналитических методик и акторно-сетевой теории. Дискурс-анализ позволит произвести операционализацию высказываний политических акторов и агентов в отношении формальных политических партий, что даст возможность сформулировать более *детальный список критериев оценки*. Ивент-анализ позволит выявить динамику и насыщенность действий, производимых партиями, что позволит в дальнейшем произвести сравнительный анализ «акторности» партий. Акторно-сетевая теория, таким образом, выступает в качестве главной методологической основы исследования, придающей целостность методическим элементам проекта.

4. В качестве *основных критериев оценки*, таким образом, выступают, во-первых, действия партии, которые направлены на поддержание своей «акторности» (удовлетворение требований государства и требований, предъявляемых к партии со стороны окружения: социальных движений, групп интересов, активистов и потенциальных избирателей), во-вторых, действия, направленные на реализацию заявленных партией целей. С помощью данных критериев будет возможно определить поле возможностей для партий в российской политической системе, а также уровень реализации этих возможностей. Подробное количественное и качественное измерение критериев, которым соответствуют действия политических партий России, понимаемых в качестве акторов, будут рассмотрены в следующей части настоящей статьи.

Список литературы

1. **Аксенова О. В.** Изменение роли политического субъекта: агент или актор? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aksenyonova.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).
2. **Бахмарова В. Н.** Социальный актор в концепции управления М. Крозье // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 85-87.
3. **Голосов Г.** Кто все эти партии? [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/russia/kto_vse_eti_partii-778209.xhtml (дата обращения: 01.09.2014).
4. **Джордан Г.** Группы давления, партии и социальные движения: есть ли потребность в новых разграничениях? // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 1. С. 82-97.
5. **Заславская Т. И.** О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001. С. 3-15.
6. **Лайпанова Д. В.** Партия как актор политического процесса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 12. С. 431-433.
7. **Лагур Б.** Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
8. **Мартыанов Д. С.** Сравнительный анализ репрезентации новых российских партий в сети Интернет // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 161. С. 117-121.
9. **Мартыанова Н. А.** Институциональная динамика профессии в эпоху мобильности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35). С. 103-106.
10. **Попова О. В.** Перспективы малых партий в современной России // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра. М.: КМК, 2012. С. 145-157.
11. **Савкин Д. А.** К вопросу об «акторности» глобальных городов в мировой политике // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2009. № 4. С. 176-184.
12. **Сморгунов Л. В.** Феномен новых партий и его влияние на электоральное поведение // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 1. С. 4-16.
13. **Цыганков П. А.** О содержании термина «международный актор»: вклад социологии // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ: в 10-ти т. / Российская ассоциация международных исследований. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 1: Акторы в пространстве и времени мировой политики / под ред. М. М. Лебедевой. 188 с.
14. **Cohen J.** Strategy or Identity: New Theoretical Paradigms and Contemporary Social Movements // Social Research. 1985. Vol. 52. № 4. P. 663-716.
15. **Crozier M., Friedberg E.** L'acteur et le systeme. Paris – Seuil, 1977. 504 p.
16. **Entretien avec Alain Touraine** // Revue sciences humaines. № 42. Août-Septembre, 1994. P. 54-57.
17. **Mische A.** Cross-Talking in Movements: Reconciling the Culture-Network Link [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ssc.wisc.edu/~oliver/PROTESTS/NetworkPapers/Mischecrosstalk4.PDF> (дата обращения: 01.10.2014).
18. **Wendt A.** Constructing International Politics // International Security. 1995. Vol. 20. № 1. P. 71-81.

**METHODOLOGICAL ASPECTS OF RESEARCH
OF THE RUSSIAN POLITICAL PARTIES AS POLITICAL ACTORS. PART I**

Mart'yanov Denis Sergeevich, Ph. D. in Political Sciences
Saint Petersburg State University
dsmartyanov@mail.ru

Nevzorov Maksim Vadimovich
Herzen State Pedagogical University of Russia
max.nevzorov@gmail.com

The article considers the methodological problems of the conceptualization of political parties in the context of the Russian party system transformation. The criteria, by which a political party may be defined within the category of "action" as an actor, are revealed. The current trends in the study of political parties are determined. The "hot spots" of political parties conceptualization are identified. The system characteristics of creating the database "Political Parties of Russia in Action" are distinguished.

Key words and phrases: political parties; actors; political actors; party system; party reform; research methodology; political entity; database; actor-network theory.

УДК 343.4; 343.6

Юридические науки

Статья посвящена актуальной проблеме отсутствия в УК РФ ответственности за незаконное занятие народной медициной. Автор анализирует современные законодательные и подзаконные акты, касающиеся данной темы. Приводятся и объясняются такие понятия как «народная медицина», «медицинская деятельность». Дается краткая историческая справка по данной проблеме. Автор указывает, что по действующему уголовному законодательству лицо, незаконно занимающееся народной медициной, не подлежит ответственности по статье 235 УК РФ, приходит к выводу о необходимости введения новой статьи в Уголовный кодекс РФ и представляет свое видение данной статьи.

Ключевые слова и фразы: народная медицина; медицинская деятельность; уголовная ответственность; изменения в УК РФ; уголовное право; пробелы в УК РФ; преступления в сфере здравоохранения; ответственность за причинение вреда.

Мустафаев Сеймур Эйну́р оглы

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
mustafaevs@day.az

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ЗАНЯТИЕ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНОЙ[©]

Российская Федерация является правовым государством, в котором приоритетом обозначены права и свободы граждан. В соответствии со статьей 41 Конституции Российской Федерации «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь» [3]. За охрану здоровья граждан отвечает созданная государством система здравоохранения. Одним из элементов данной системы, в соответствии с ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», является народная медицина. Согласно статье 50 данного ФЗ народную медицину составляют «методы оздоровления, утвердившиеся в народном опыте, в основе которых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здоровья. К народной медицине не относится оказание услуг оккультно-магического характера, а также совершение религиозных обрядов» [9]. То есть, это те методы врачевания, которые на протяжении многих веков доказали свою эффективность, но не относятся к методам «научной» медицины.

Следует сказать, что знахарство было одним из первых видов врачевания. На первоначальном этапе развития Русского государства народная медицина регулировалась больше на уровне морально-этических норм. В Русской правде имелись указания на применение наказаний к лекарям, имеющим свои домашние аптеки, чье лечение приводило к неблагоприятным последствиям. В литературе приводится такой пример: «Лекарь Леон, лечивший сына великого князя Иоанна III, после смерти отпрыска был умерщвлен по указанию Великого князя» [1, с. 95]. После распространения христианства предпочтение отдавалось церковной медицине. Церковь жестко пыталась бороться с народными целителями. Согласно Новгородской летописи в 1227 году были сожжены 4 волхва: «Сожгоша влхвы 4, творяхуть е потворы деюще, а бог вестъ» [7, с. 154]. Существовал церковный суд, который рассматривал дела в отношении лиц, применяющих для исцеления людей такие способы, как «ведьство, зеллиничество, потворы, чародеяния, волхования» [11, с. 10]. В современном понимании, это все можно отнести к установлению ответственности за незаконное занятие народной медициной.

В период правления Петра I начался процесс подготовки собственных врачебных кадров в России. В связи с этим, были предусмотрены требования к осуществлению медицинской деятельности, например, наличие